

САРА ХОЛЛАНД

ЭВЕРЛЕСС

УЗНИКИ ВРЕМЕНИ
И КРОВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Моим родителям,
за все их истории

Многие люди боятся леса, потому что верят в старые сказки о феяри, от которых течение времени навсегда застывает в крови, или ведьмах, способных с помощью заклинаний забрать человеческую душу в белое безмолвие. И дух самого Алхимика, говорят, блуждает в этих лесах, заманивая в ловушку даже вечность одним лишь дыханием.

Меня же эти истории не пугают, потому что в лесах есть и кое-что пострашнее: воры, затаившиеся с грубыми клинками и алхимическим порошком за поясом, готовые украсть время у каждого, кто покинул безопасные пределы деревни. Мы называем их кровососами. Именно из-за них папе не нравится, когда я охочусь, но у нас нет выбора. К счастью, зимой они

не могут укрыться в подлеске, а песни птиц не заглушают их шагов.

Кроме того, я знаю эти леса лучше всех. Мне всегда здесь нравилось, особенно то, как переплетенные кроны над головой закрывают солнце и не пропускают холодный ветер. Я бы могла проводить здесь дни напролет, гуляя среди деревьев, мерцающих паутинками чистого льда, проходить сквозь солнечные лучи, пронзающие кинжалами землю.

Фантазии. Я никогда не оставлю отца одного, особенно если он...

— Нет, это не так, — говорю я себе.

Ложь застывает в зимнем воздухе, падает на землю, словно снег.

Я пинаю ее носком ботинка.

Папа говорит, что некоторым деревьям в лесу тысячи лет. Они уже были здесь до рождения всех ныне живущих, даже самой Королевы, даже до того, как Алхимик и Колдунья привязали время к крови и металлу — если такие времена бывали. Эти деревья все еще будут тянуться ввысь, когда нас всех не станет. Корни под моими ногами живут веками не за счет других растений. И их время нельзя забрать вместе с кровью.

Если бы мы только были больше похожи на деревья.

Старый мушкет отца оттягивает спину. Он бесполезен. На мили вокруг не встречается

никакой дичи, а всего через несколько часов стемнеет, и рыночные прилавки начнут один за другим закрываться. Значит, мне придется отправиться в город и встретиться с ростовщиком времени. Я надеялась, что охота успокоит мои нервы, подготовит к тому, что я должна сделать. Но мне только стало еще страшнее.

Завтра нужно заплатить за аренду коттеджа в Крофтоне. Как и каждый месяц, семья Герлинг пополнит свои сундуки кровавым железом, утверждая, что мы должны им за защиту. За их землю. В прошлом месяце, когда мы не могли заплатить, их сборщик отпустил нас с предупреждением — папа выглядел больным, а я — такой юной, — но это не было милосердием. В этом месяце он попросит двойную плату, а может, и больше. Теперь, когда мне исполнилось семнадцать и закон позволяет отдавать годы из моей крови, я знаю, что нужно делать.

Папа разозлится, если он еще может соображать.

Еще одна попытка, говорю я себе, встречая на пути маленький ручеек, бегущий между деревьями. Его бег затих, воды замерзли, но подо льдом — блеск зеленого, коричневого и золотого: одинокая извивающаяся форель в каком-то невидимом потоке. Живая, несмотря на слой льда.

Я быстро опускаюсь на колени и разбиваю корку льда прикладом ружья. Потом жду, пока

вода успокоится, в надежде увидеть блеск чешуи, в отчаянии посылая молчаливую молитву Колдунье. Эта форель не принесет достаточно кровавого железа, чтобы покрыть долг за аренду, но я не хочу отправляться на рынок с пустыми руками. И не отправлюсь.

Я сосредотачиваюсь, пытаюсь успокоить биение сердца.

А потом — как иногда случается — мир словно замедляется. Нет, не словно. Ветки действительно прекращают шептаться на ветру. Даже почти беззвучное потрескивание тающего снега затихает, словно мир затаил дыхание и ждет.

Я смотрю вниз, на еле заметный отблеск в мутной воде — он тоже замер в дыхании времени. Прежде чем момент ускользнет, я наношу удар, погружая голую руку в ручей.

Ледяная вода обжигает запястье, заставляя пальцы неметь. Рыба не двигается, когда я тянусь к ней, словно хочет быть пойманной.

Когда я хватаю ее скользкое тело, время снова ускоряется. Рыба бьется в моей руке — непослушный комок плоти, и я почти упускаю ее. Прежде чем она успевает вырваться на свободу, я вытаскиваю ее из воды и кидаю в сумку точным, отработанным движением. Секунду просто смотрю, как рыба бьется внутри, заставляя сумку дергаться.

А потом она замирает.

Не знаю, почему время так замедляется, это может случиться когда угодно. Я слушаю совета папы и никому не рассказываю об этом — однажды он видел, как у мужчины забрали двадцать лет из крови, просто заявив, что он умеет поворачивать время вспять мановением руки. Ведуний, таких как Калла, в нашей деревне терпят как развлечение для суеверных, пока они платят ренту. Я, бывало, ходила слушать их истории о волнениях времени, замедлениях, которые иногда вызывают разломы в земле и землетрясения, пока папа не запретил мне посещать их лавку, боясь привлечь к нам внимание. Я все еще помню аромат духов — специй, смешанных с кровью древних обрядов. Но если папа чему-то меня и научил, так это не высовываться, а значит, оставаться в безопасности.

Я засовываю руки подмышки, чтобы согреть, а потом снова сажусь на корточки над рекой и пытаюсь опять сосредоточиться. Но рыбы больше нет, и солнце медленно опускает свои лучи-руки сквозь деревья.

Тревога сковывает все внутри.

Нельзя дальше откладывать поход на рынок.

Я всегда знала, что все в конце концов придет к этому, но не перестаю чертыхаться. Повернув в сторону города, забрасываю сумку, с которой стекает вода, на плечо. Я ушла дальше обычного и теперь об этом жалею. Из-за

снега мои поношенные ботинки промокают, а деревья не пропускают солнечных лучей, несущих остатки дневного тепла.

Наконец лес редет, и я оказываюсь на грязной дороге, ведущей в город, которую сотни телег превратили в замерзшее месиво. Я бреду по ней, пытаюсь настроиться на посещение рынка. Меня преследуют мысли о ноже ростовщика времени, сосудах, ожидающих, когда их заполнят кровью. А потом кровь будет превращена в железо. Говорят, истощение накрывает, когда он вытягивает время из твоих вен.

Но еще хуже слышать через тонкие стены коттеджа, как папа мечется на своем соломенном матрасе. Самой Колдунье известно, ему нужен отдых. За последний месяц я видела, как на моих глазах он истончается, словно убывающая луна.

Клянусь, его глаза становятся серее — знак того, что время на исходе.

Если бы только не было такого простого объяснения его поведению тем утром, когда он забыл про мой день рождения.

Никогда прежде папа не забывал про мой день рождения. Если бы он только признал, что продавал время, несмотря на все мои мольбы не делать этого, и позволил отдать ему несколько лет. Если бы только Колдунья и Алхимик были настоящими и я могла бы их

запереть, потребовав, чтобы они подарили ему долголетие.

Что если — я не могу спокойно размышлять об этом — ему остался всего лишь месяц или день?

В голове всплывает воспоминание о старой крофтонской попрошайке, которая отдала из крови последнюю неделю за миску супа, слоняясь от двери к двери, приветствуя всех в городе и моля о железе на день-другой или хотя бы кусочке хлеба. Сначала она забыла имена людей, потом перестала понимать, где находится, и бродила по полям, вздымая руки к небу, чтобы постучать по воздуху.

Мы с папой нашли ее, свернувшуюся калачиком в пшенице. Она была холодна как лед. Ее время вышло. А все началось с забытья.

При мысли о ней я перехожу на бег. Желание превратить кровь в монету заставляет меня двигаться вперед.

* * *

Крофтон заявляет о своем присутствии сначала столбами сизого дыма, а потом лоскутными крышами, выглядывающими из-за холмов. Узкая дорожка, ведущая к нашему коттеджу, поворачивает на восток от главной дороги задолго до самой деревни. Но я прохожу мимо и иду дальше, на шум и дымы рынка.

Внутри низкой каменной стены, которая окружает деревню, ряды домов жмутся друг к другу, как сбившаяся в кучу толпа, словно близость поможет им спастись от холода, или тьмы, или медленного оттока времени. Люди спешат мимо меня тут и там, их тела скрыты под слоями одежды, головы наклонены против ветра.

Рынок — всего лишь длинная полоса грязной брусчатки там, где встречаются три дороги. Сегодня днем здесьлюдно и шумно: пришло время платить ренту, и рынок забит продавцами. Мужчины в грубой одежде фермеров и женщины с детьми на спинах спорят из-за рулонов ткани или костей животных, полных костного мозга, и не обращают внимания на нескольких попрошайек, слоняющихся от лотка к лотку, нараспев повторяя: «Час? Один час?». Их слова смешиваются с общим рыночным гвалтом. Воздух потемнел от дыма чадающих маслом костров, на которых готовят пищу.

К магазину ростовщика времени Эдвина Дуэйда выстроилась очередь; папа и я далеко не единственные, кто из кожи вон лезет, пытаясь свести концы с концами. При виде этого у меня сводит желудок: десятки людей толпятся у стен, ожидая, когда из их крови заберут время и превратят в монеты из кровавого железа. Я знаю, что мне нужно присоединиться к ним, но почему-то не могу заставить себя встать в очередь. Если папа узнает...

Надо хорошенько подкрепиться, прежде чем продать свое время и попробовать продать улов, каким бы мелким он ни был.

Я иду к лавке мясника, где моя подруга Амма за прилавком раздаёт полосочки вяленого мяса стайке школьниц в чистых фартуках, и испытываю нечто похожее на ностальгию вперемешку с завистью. Я могла бы быть одной из этих девочек. После того как папу выгнали из Эверлесса, поместья Герлингов, — ярость овладевает мной при одной лишь мысли об этом — он потратил все свои сбережения на книги и бумагу для меня, чтобы я могла пойти учиться. Когда же зрение его ухудшилось и он потерял работу, денег на книги и бумагу не стало.

Я гоню эту мысль прочь и машу Амме, когда она замечает меня. Подруга улыбается, и шрам через всю щеку становится ещё заметнее. Это напоминание о нападении кровососов на ее родную деревню, в котором погиб отец Аммы, а в крови матери осталось лишь несколько дней. Она цеплялась за жизнь достаточно долго, чтобы перевезти своих дочерей в Крофтон, прежде чем ее время истекло. Амма осталась одна приглядывать за младшей сестрой Алией.

Для Аммы — а возможно, и для многих школьниц, столпившихся у прилавка, — моя ненависть к Герлингам может показаться ерундой. Герлинги защищают свои города от кровососов и бандитов, подобных тем, что убили

родителей Аммы, регулируют торговлю. Взамен за свое покровительство они ожидают преданности и, конечно же, кровавого железа каждый месяц. Границы Семперы охраняются, чтобы никто не смог сбежать и унести с собой ее секрет, вот почему мы с отцом остались на землях Герлингов даже после того, как нас изгнали из Эверлесса за поджог кузницы много лет назад.

Я помню Эверлесс: его украшенные гобеленами коридоры и сияющие бронзовые двери. Местные обитатели расхаживают в золоте, шелках и драгоценностях. Ни один из Герлингов не станет подстергать тебя в лесу, чтобы перерезать горло, но они все равно воры.

— Я слышала, они назначили дату на первый день весны, — вздох рассказывает одна из школьниц.

— Нет, раньше, — настаивает другая. — Он так влюблен, что не может дождаться весны, чтобы жениться на ней.

Даже слушая вполуха, я знаю, что они обсуждают главную новость, которая, кажется, у всех на устах в последние дни, — свадьбу Рорана, объединение двух самых могущественных семей Семперы.

Свадьбу лорда Герлинга, поправляю я себя. Он больше не тот приставучий мальчишка с дырками на месте выпавших молочных зубов, всегда готовый поиграть в прятки с детьми слуг.

Как только лорд женится на Ине Голд, воспитаннице Королевы, он фактически станет сыном ее величества. Королевство Семпера разделено между пятью семьями, но Герлинги контролируют более одной трети земель. Свадьба Роана сделает их еще более могущественными. Амма закатывает глаза, глядя на меня.

— Давайте, идите, — говорит она, прогоняя школьниц. — Хватит болтать.

Они убегают прочь, и в водовороте пестрых рыночных красок их лица кажутся такими счастливыми. Амма же, наоборот, выглядит измученной, волосы туго завязаны сзади, под глазами темные круги. Она, должно быть, на ногах с самого рассвета, развешивала и нарезала мясо. Я вытаскиваю из сумки форель и кладу на ее весы.

— Долгий день? — Она уже протягивает руки, чтобы завернуть рыбу в бумагу.

Я улыбаюсь, как только могу:

— Весной будет лучше.

Амма — моя лучшая подруга, но даже она не знает, как плохи дела у нас с отцом. Если бы она узнала, что я собираюсь сдать кровь, то пожалела бы меня или, что хуже, предложила бы помощь. Я этого не хочу. У нее и своих проблем достаточно. Она отдает мне кровавую часовую монетку за рыбу и добавляет полосочку сухого мяса в подарок. Когда я принимаю их, она не сразу отпускает мою руку.